

ВАРВАРА ОСЬКИНА

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)
О-79

Оськина, В.

О-79 Большие Надежды / В. Оськина. — М. RUGRAM, 2025. — 306 с. с ил.

Добро пожаловать в Город, где евгеника давно стала наукой, люди добровольно утратили человечность, а смерть — самое настоящее милосердие. Здесь сострадание — это проклятие, каждому предопределено своё место, и жизнь под тенью Щита длится столько, сколько отвёл Великий Канцеляриат. Но что случится, если однажды кто-то захочет всё изменить? Что, если доктрина даст крошечный сбой? Флоранс Мэй, будь осторожна! Артур Хант, помни — Город превыше всего!

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-517-13247-5

© Варвара Оськина, текст, 2025
© Мила Басенко,
художественное оформление, 2025
© RUGRAM, 2025

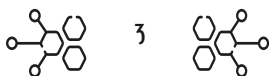
ГЛАВА I

Одиночество — страшное чувство. Оно одновременно и испуг, и тоска, и опустошение, и нервное ожидание, которое больше похоже на плохое предчувствие. Когда приходит одиночество, нервно переплетаются пальцы, а взгляд шарит по сторонам в поисках кого-то... чего-то. И если подождать, то можно почувствовать, как начинают ныть кости. Это мозг просит о помощи, боясь захлебнуться в порождённых им ощущениях. Одиночество — это страх, ненужность и, в конце концов, злоба, которая толкает нас на самые страшные преступления.

Наш Город был создан, чтобы сбежать от этого чувства. Построенный на остатках бывшего могущества, он стал убежищем, основой существования и, конечно, ловушкой. Ведь без Города не будет и нас. И в этой клетке мы начали выживать, учились не чувствовать и не сострадать, учились умирать во имя жизни и жить ради будущей смерти. А потому не заметили, как идея стала доктриной в руках человека, которого я имела несчастье любить.

Дневник Руфи Мессерер

Мерзкий дождь бил по маске, закрывавшей лицо, так сильно и точно, словно хотел стать шрапнелью. Артур Хант чуть повернул голову, вопреки правилам отводя взгляд от заключённой, и оглядел собравшуюся толпу. Люди молчали. Они стояли ровными группами и все как один осуждающе смотрели на возвышавшийся в центре площадки помост, что служил продолжением одного из «зубцов» прятавшейся в облаках Башни. Никто не шевелился, не пробовал отереть мокрое от дождя лицо или поправить сползавший с головы капюшон. А потому в этой тишине общественного порицания шум падавших капель, которые дробью отскакивали от плащей, мостовой и прозрачного Куба со смертницей, казался до того громким, что то и дело заглушал собой гул Щита. От этого становилось немного тревожно, но страх для главы Ка-

рательной службы стал давным-давно чем-то привычным. В конце концов, чем отличается страх наказания или ошибки от страха подохнуть прямо сейчас? Ничем. Хотя бы потому что за каждый проступок ему и так была положена смерть, которую он, разумеется, обязан встретить со всей данной ему благодарностью. Ибо его жизнь ничто. Жизнь Города — всё!

Едва заметно передёрнув плечами, Хант скрестил за спиной руки и принял позу «Спокойствие». В голове невольно всплыли строчки из кодекса:

«Встречай опасность с той же уверенностью, с какой смотрит на тебя Великий Суприм. С открытым лицом и безоружный».

Захотелось хмыкнуть, но Хант сдержался. Тезис про «открытое лицо», очевидно, добавили исключительно ради метафоры, а не из практичности. В условиях Города маска порой была необходимым условием выживания, а уж за Щитом и подавно. Кому хочется захлебнуться собственной кровью из опалённых Бурями лёгких?

Впрочем, сегодня здесь было слишком сыро, а потому безопасно. От разлетавшихся вокруг мелких брызг воздух стал таким влажным, что это чувствовалось даже за респиратором маски, а набухший от воды ворот чёрного кителя с каждой минутой всё невыносимее натирал шею. Кажется, проклятый дождь оседал даже в лёгких, вызывая желание откашляться, но глава Карательной службы не мог позволить себе такой вольности. Не сегодня. Не в этот момент. Поэтому он терпел, зная, другой погоды в Городе никогда не бывало. Это там, за пределами Щита, можно иногда увидеть фиолетовое солнце или кусок зеленоватого неба, в Городе же из-за перерабатывающих углекислый газ станций всегда было облачно. И холодно. Здесь вообще существовало лишь два времени года — мокрая зябкая дрянь и ледяной дождь. Утром на календаре значилась «дрянь».

Хант снова скользнул взглядом по собравшимся сегодня на площади. На фоне их тёмных от влаги фигур было видно, как, повинаясь налетавшему со стороны Щита ветру, дождь густыми полосами ложился на мощённую плитами площадь. И это, пожалуй, было единственным доступным сейчас развлечением. Обычно казнь проходила во внутреннем дворе Башни, в тени массивного здания, но эту должны были видеть все жители. В назидание и, разумеется, для проверки. Те, кто не вме-

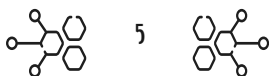
стился на площадь, будут смотреть трансляцию на больших экранах и внимать речи Суприма прямо на улицах, пока их методично сканируют отряды народной полиции и, разумеется, его личных Карателей.

Артура Ханта учили не верить, и он, конечно, не верил. Никому. Поэтому сегодня он мог скупой порадоваться громоздкости форменного обмундирования, которое полагалось надевать на такие мероприятия. Маска позволяла незаметно рассмотреть нужных людей, а большой плащ прекрасно скрывал нюансы движений. И поскольку Ханту было скучно, нудно и давным-давно неинтересно, он позволил себе немислимую вольность и пошевелился. Правая рука Верховного Канцлера поглубже натянул капюшон и внимательнее взгляделся в первый ряд, что контрастно выделялся серым цветом плащей.

В голове билась одинокая, но оттого яркая мысль: «Кто?» Кто будет следующим? Есть ли кто-то ещё? И если есть, то, где он? Хант шарил взглядом по шеренгам людей, выискивая малейший намёк, что у предателя были сообщники, но никто не повернул головы и не отвёл взгляд. В их глазах было только презрение и яркая ненависть к стоявшей в Стеклянном Кубе фигуре. Ничего лишнего. Артур поджал губы и медленно выдохнул.

О том, что в мягком брюхе Канцеляриата завёлся предатель, он понял где-то полгода назад. Сначала случайности сложились в подозрительные совпадения, а те, в свою очередь, в дорожку закономерностей, по которой глава Карательной службы крался долго и тщательно, пока не наткнулся на Сопротивление. Хант не был наивным и, конечно же, знал — в любом замкнутом обществе всегда найдётся парочка тех, кто возомнит себя новой властью. Те, кто захочет перечеркнуть и обесценить то, что создавалось трудом, кровью и ценой жизни, не дав взамен ничего, кроме хаоса. Верховный Канцлер тактично именовал их вредителями. Хант был прямолинейней и открыто называл выродками. И, по сути, они ими и были. Бракованный материал эволюции, который следовало найти и уничтожить до того, как он пустит корни... расплодится. Хант ненавидел их, и, судя по всему, это было весьма взаимно. По крайней мере, недавно оставленные на железных пластинах Щита надписи оказались довольно доходчивыми.

Собственно, пойманный предатель должен был заниматься именно этим — выявлять выродков и уничтожать их ещё в зародыше. Но вме-

сто этого помогал ублюдкам появиться на свет, и Хант этого не понимал... не находил ни одной причины, зачем спасти тех, кто заранее обречён эволюцией. Они ведь не просто ущербны. Эти люди опасны.

Хант бросил взгляд на спокойно стоявшую в Кубе женщину и скрипнул зубами, пока в памяти строчка за строчкой всплывало её досье.

«Руфь Мессерер. Пятьдесят лет, вдова. Обучалась при интернате Суприма и подавала большие надежды. Десять лет руководила службой Регулирования Единообразия Населения. Генетического продолжения не имеет. Стерильна».

Всё. На этом и без того скупое описание резко обрывалось, намекая, что самое интересное было давным-давно уничтожено. Кем? Хант не знал, но определённо сделает всё, чтобы найти всех причастных.

Вообще, в том, как глупо попалась Мессерер, чувствовался настолько откровенный подвох, что Хант был готов взвыть от бессилия. Ей было пятьдесят. Ещё один год, и эта женщина получила бы почётную «инъекцию Милосердия», после чего о ней можно было забыть. Но нет! Она позволила себя поймать, и ему только предстояло понять зачем.

От вспыхнувшего в крови бешенства Хант сжал затянутые в перчатки кулаки, но тут на плечо опустилась чужая рука, и послышался голос:

— Не спеши, Артур. Ты же не хочешь разочаровать Суприма своим беспокойством? — Верховный Канцлер говорил шутливо, но его сухие старческие пальцы сдавили броню на плече Ханта с удивительной силой, недвусмысленно приказывая взять себя в руки. — Ты удостоен великой чести...

— Быть палачом.

— Быть рукой правосудия. Закон — путь к единству. Гармонии. И ты его верный страж.

— Не лучше бы мне охранять его там? — Хант кивнул в сторону толпы, но послушно принял положенную позу. Он скрестил за спиной руки и расправил широкие плечи, вынудив Канцлера отступить. — Мы не знаем, были ли у Мессерер сообщники. Они могут прийти сегодня и попытаться...

— Остановить тебя? — перебил Канцлер, и в его вопросе явно слышалась улыбка. Этот человек был наставником Ханта с раннего детства и прекрасно знал, что представляет из себя его подопечный. — Мой дорогой Артур, это нелепо.

— Разве?

— Абсолютно. Тебя бояться, и это лучший гарант их бездействия. Они ждут, что ты будешь искать, но это логика примитивных. Тебе нужно больше.

— Страх?

— Да. И ненависти.

— Кхм...

— Страх и ненависть идут рука об руку у людей ограниченных, у тех, кто вследствие ошибки природы лишён беспристрастности, а значит, зависим. Мессерер думала, что делает их сильнее, но, на самом деле, только ослабила. Поэтому где-то среди этих людей наверняка стоят те, кто прямо сейчас тонут в своих страстях и эмоциях. Они ждут. Они копят свою общую боль. И однажды её будет столько, что та вплетётся в узор из их слов и поступков. Точно цепь, она свяжет этих людей по рукам и ногам, а страх и ненависть, порождённая страхом, заставят сделать ошибку. И вот тогда, они будут твои. Все. До одного.

Последние слова Канцлер прошептал едва слышно, но Хант понял и повернулся к прозрачному Кубу, в котором по-прежнему в ожидании своей участи стояла Руфь Мессерер. В этот самый момент Артур ощутил на себе чей-то взгляд. Не злой, не отчаянный, но обещавший исключительное наслаждение в попытке найти его хозяина. Это будет хорошая игра. И в предвкушении отличной охоты Хант почувствовал, как его рот растянулся в хищной улыбке. Да, он знал, что никогда не отличался терпением, но теперь был готов ждать, сколько потребуется. Приз стоил того.

* * *

Флор стояла не шевелясь и смотрела в одну точку. Она не могла вернуться, не могла отвести взгляд, не имела права даже зажмуриться, обязанная, как и все здесь, смотреть казнь от начала и до конца. С неба капал надоевший до смерти дождь и остервенело барабанил по крышам, людям и площади, но Флор не слышала. Вернее, разумеется, он вплетался в какофонию звуков, но не больше, чем треск отсыревших под дождём проводов и шум дыхания собравшейся перед эшафотом толпы. Фон. Нечто несущественное, потому что главным всегда был проклятый Щит.

Утром, днём, вечером, вместо еды и с едой, во сне, в рождении, в смерти. Щит сопровождал их всю жизнь, и было забавно, когда, осознав один раз этот звук, его нельзя уже было не слышать. Он проникал в разговоры, вынуждая повышать голос до этой вибрирующей частоты; от него на окраинах Города мелко звенела посуда; даже сердце со временем начинало биться с ним в такт. Флор знала, что он сводил с ума чаще, чем любые лекарства, опыты или бесконечное ощущение обречённости, которым были пропитаны стены их Города. Те самые, с которых за прошедшие с трагедии последнего бунта двадцать лет так и не смыли ни копоты, ни следов жёлтой краски, что отмечала выжженные квартиры сепаратистов. Где-то там была и квартира её родителей. Флор не знала, где именно. Детям изменников обычно не сообщают подобных подробностей, и ей следовало быть благодарной, что она вообще выжила.

Живорождённая. Таким здесь не место. Низший сорт, который, по мнению Канцеляриата, был слишком опасен и годился лишь для био-реакторов. И никто так и не понял, в какой же момент высокая цель идеальной селекции стала вдруг оправданием для чисток и убийств и без того редких живорождённых. Люди давно потеряли способность к естественному размножению, а теперь подобные Флор вовсе стали изгоями. Говорили, это для безопасности. Ха! Будто бы это не служило причиной для любого безумия Канцлера. *«Город превыше всего!»* — было выбито на каменных плитах, которыми замостили все улицы, и Флор едва слышно хмыкнула, стараясь, чтобы жужжавшие в воздухе «глаза Канцлера» её не заметили. Соглядатаи. Помещённые в защитные сферы крошечные камеры помогали Городу следить за людьми. Связанные с его искусственным разумом, они были надсмотрщиками похуже Карателей. Вот и сейчас Флор ожидала облав, которые неизбежно начнутся после сегодняшней казни.

За эти пять дней, прошедших с момента ареста, она успела несколько раз впасть в отчаяние, поймать кураж и, наконец, просто смириться. Принять чужой выбор непросто, а уж если он вовлекает в себя судьбы десятков людей и твою собственную... Нельзя быть готовым к подобной ответственности, но Руфь почему-то была уверена, что они справятся. Её внутренняя убеждённость была сильной и смогла взра-

стити веру в сердцах всего их небольшого Сопротивления. Это нервировало, ошибиться было до ужаса страшно.

Никто не признавался, но Флор знала, — ни один из них не представлял, как будет жить дальше и нести бремя вины. В конце концов, Руфь была лучшей из них, и Флор не представляла, кто сможет её заменить. Как вообще это возможно. Ведь это совершенно бессмысленно, ведь символом была, есть и будет одна только Руфь...

Взгляд скользнул по серой тунике, которую нацепили на Мессерер, и думать, что осталось скрыто под ней, было тошно. Все знали об Отделе Благонадёжности Граждан. В Городе это место иногда называли Чистилищем, которым распоряжалась служба Карателей, и оно в точности олицетворяло всё, что Флор ненавидела в системе и в людях. Расчётливость, жестокость, бездушие. Было доподлинно неизвестно, что именно происходило с теми, кто туда попадал, но нормальными после этого их назвать уже было нельзя. Да и рассказать бедолаги уже не могли, — Канцеляриат надёжно хранил свои тайны за сожжёнными языками и перебитыми пальцами. Впрочем, главным злом были вовсе не палачи на допросах, а тот единственный, кто выслеживал, подстерегал и отдавал тот самый приказ.

Флор невольно скосила глаза. После стольких лет у неё мастерски получалось маскировать свои взгляды, но рядом с главным Карателем лучше было не рисковать. Так что, опасаясь быть пойманной, она осторожно посмотрела на высокую фигуру в чёрном форменном одеянии, которая контрастно выделялась среди серых роб на помосте, и медленно выдохнула. Этот человек был самой сложной и безумной деталью их плана. Обмануть его просто не выйдет, а потому если у них не получится, то это значит конец...

Каждый в Городе знал, что Артур Хант убивает быстрее, чем думает, и за меньшее преступление, а уж если у него под носом найдётся сепаратист! Флор ещё чуть-чуть повернула голову, внимательнее вглядываясь в блестящую, чёрную маску, по которой стекали капли дождя, и едва сдержалась, чтобы не передёрнуть плечами. Черепоподобные контуры с блестящими свинцовыми вставками вызывали приступ тошноты, а сам главный Каратель — бессвязный ужас.

Если быть честной, где-то внутри себя Флор не верила, что он им поможет. Всем своим скудным умишком не могла представить, с чего

вдруг в самом жестоком мече Канцеляриата проснётся хоть капелька человечности. Это смешно! Она так и сказала однажды Руфь: Артур Хант — это безнадёжный продукт системы, синтетически выведенный, отобранный среди лучших, венец генной инженерии, где нет места ошибке. Каждая молекула в его ДНК была тщательно просчитана сотней искусственных интеллектов, прежде чем робот соединил две идеальные клетки. Он ведь даже не человек, а так... гуманоид. Будущее, которое уже наступило. И оно отвратительно. На это Руфь лишь улыбнулась и почему-то попросила оставаться собой. Бред! Может, они все сошли с ума? Потому что затевать переворот и убеждать Ханта перейти на их сторону — чистое сумасшествие. С чего бы ему это делать?

Флор едва заметно презрительно дёрнула верхней губой, и в этот момент, словно почувствовав, а может, заметив это движение сквозь визоры маски, Хант поднял голову. Он прервал разговор с Верховным Канцлером, медленно расправил огромные плечи, которые из-за защитных пластин казались непропорционально большими, и повернул голову, уставившись точно туда, где стояла под дождём Флор. Дерьмо. В глазах потемнело, когда она ощутила, как скользнул по лицу тяжёлый буравящий взгляд, но продолжила упрямо смотреть в сторону Стеклянного Куба. Хант же, оглядев всех вокруг, вернулся было обратно к изучению Флор, но тут большие двери Башни открылись, и на помост вышла Служба Исполнения Приговора.

Их было шестеро. В красных робах цвета свернувшейся крови, что казалось символичным на грани пошлости, и с выбритыми головами, от которых, словно от шариков, отскакивали капли дождя, они выстроились вокруг Куба со штандартом Суприма в руках. А следом за ними шёл сам Великий Суприм — глас Города, его сердце. Человек, связанный с искусственным разумом окружавших их стен так тесно, что, наверное, уже почти не был живым существом. Флор слышала лязг, с которым его протезы ступали по каменным плитам, видела кипенно-белую мантию. Суприм шёл тяжело и очень медленно, пока не остановился слева от Стеклянного Куба и ровно напротив главных ворот Башни. Чиркнув последний раз железным протезом, отчего с тихим шипением осыпался веер огненных брызг, он замер, а потом из-под белоснежного балахона показалась обтянутая кожей рука. Длинными и кривыми, похожими на когти ногтями она подцепила